

18+ Лариса Ласькова

Расскажи мне о счастье...

Рассказы

Лариса Ласькова

**Расскажи мне
о счастье... Рассказы**

«Издательские решения»

Ласькова Л. Г.

Расскажи мне о счастье... Рассказы / Л. Г. Ласькова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851180-6

С некоторых пор я не плачу на людях... Живу, сухими глазами глядя вокруг, надев на себя маску благополучия и отстранённости. Только что там, за этой маской? Что там, на тёмной стороне Луны?..

ISBN 978-5-44-851180-6

© Ласькова Л. Г.
© Издательские решения

Содержание

Одноклассницы	6
Одноклассницы. Экзамен	9
Бабье лето. Просто мысли	13
Чаша	15
Часть 1	16
Часть 2	17
Часть 3	19
Эпилог	20
Воровки	21
Часть 1	21
Часть 2	23
Часть 3	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Расскажи мне о счастье...

Рассказы

Лариса Геннадьевна Ласькова

*С некоторых пор я не плачу на людях... Живу, сухими глазами
глядя вокруг, надев на себя маску благополучия и отстранённости.*

*Только что там, за этой маской? Что там, на тёмной стороне
Луны?..*

© Лариса Геннадьевна Ласькова, 2017

ISBN 978-5-4485-1180-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одноклассницы

Они были подружками в школе.

Леночка.

Отличница.

Спортсменка.

Активистка.

И просто красавица.

Золотая медаль.

Мастер спорта.

Характеристика – в любой институт с руками оборвут.

Мальчишки роем вились.

В институт поступила на раз, выбрала престижный, и химфак, как и хотела.

Замуж вышла первая из класса. Через год, как положено, дочь родила, ещё через пять – вторую.

Уехала с мужем на комсомольскую стройку, на какой-то завод суперзасекреченный.

Ирка.

Не сверкала, как Леночка, тянулась изо всех сил, но не хватало чего-то, какого-то шага последнего, а, может, просто удачи.

А тебе «четыре» поставила, – извинялась «англичанка», – удивила ты меня. Как ты слово «клякса» по-английски не знаешь? В итоге всё предложение не поняла. Так что не будет у тебя золотой медали.

А Ирке эта медаль золотая как-то и не нужна была. Уж больно страшно. А вдруг в институт экзамены завалишь? С золотой-то медалью! Позорище.

В ВУЗ она всё-таки поступила. Можно сказать, вскочила на ходу в последний вагон. По допнабору зачислили. С испытательным сроком, до первой сессии. Правда, за полгода Ирка освоилась, всё-таки была же «почтизолотаямедалистка», и учиться любила, понимала. Институт был не особо престижный, в столицы Ирка ехать побоялась, выбрала поближе к дому, да и мама сказала, что профессия хорошая, денежная. Вон тётя Лиза с дядей Васей учились там, всю жизнь живут припеваючи.

На комсомольскую стройку Ирке не захотелось. Осталась в областном центре, поближе к маме.

Припеваючи жить не получилось, но работа и правда оказалась денежной. Жила, жилищный вопрос решала. Койка в общежитии, комната там же, малосемейка... Купила всё-таки себе квартиру, сначала похуже, потом исхитрилась, поменяла на лучше.

Жила одна.

Замуж – не вышло...

О школьных годах вспоминала иногда, редко совсем.

Только снился Ирке частенько один и тот же сон. Будто бы танцует она на сцене Одетту-Одиллию. Круг-прыжок, круг-прыжок... Нога резко подворачивается... Боль! А-а-а!

Проснулась. Слава богу, что бросила хореографическую студию...

Леночка при всей своей звёздности нос не задирала, подружка была хорошая. Сокрушалась тогда больше мамы, уговаривала:

– Ир, может, вернёшься? Валентина Михайловна как тебя обратно зовёт, даже в школу приехала специально к тебе.

– Нет. Нет и нет. Прима в театре одна, а кордебалет, последний ряд – не хочу.

– Ну почему последний ряд? А вдруг?

– Что – вдруг? Я стану на голову ниже и на двадцать кг легче? Или меня пригласят в Большой театр на роль свиньи в «Кошкином доме»? Мне Валентина Михайловна на день рождения хотела свою пачку балетную подарить – так я не влезла в неё... Да и ты тоже не идёшь ведь в своего Лесгафта, а вдруг бы какого-нибудь олимпийского чемпиона воспитала...

Не сбылись детские мечты. Только во сне: круг-прыжок-поворот, круг-прыжок-поворот...

Двадцать лет прошло...

Слышала Ирка случайно, что Леночка с семьёй вернулась, встречаться только не захотела.

Токсикозом жутким маялась.

Да и раньше особо с одноклассниками не общалась, хвастаться нечем, и чужие сказки слушать не хочется.

А сейчас уж явно не до того.

Дочку родила... Из декретного на работу вышла, Катюшке года не было. Няня, садик, подготовишка, первый класс... Плакала иногда ночами... Но дочка радовала, весёленькая, шустрая...

Классная вызвала.

– Знаете, Ирина Игоревна, Вам нужно дочь логопеду показать.

– Так букву «р» она умеет говорить, её в садике научили, нужно только поправлять.

– Не об этом речь. Не тянет она школьную программу. Вы же видите, что она хуже всех в классе учится... Раньше мы бы её в спецшколу перевели, а сейчас много детей таких, позанимайтесь...

Шок.

Гром среди ясного неба.

Вдруг Леночка вспомнилась. Да уж, куда нам.... Не звёзды, явно.

С логопедом повезло. Научилась Катюшка учиться. Когда хвалила классная – радовались все втроём.

Десять лет прошло...

Как-то вечером раздался телефонный звонок. Номер не определился. Ошиблись, наверное. Ира сняла трубку.

– Это я, Лена...

– Лена? Леночка?... В гости? Конечно, жду, прямо завтра и приезжай. Я на остановке тебя встречу, чтобы ты по дворам не плутала.

Автобус подошёл полупустой.

Вышла одна... старушка?..

Ира со всей силы «держала» лицо, как учили когда-то в балете.

Обнялись. Разглядела. Нет. Похожа. Она. Леночка. Да и вообще, в зеркало сначала посмотришь, что привиделось-то? Старушка! Ужас.

...Чай кипятили три раза. Обед плавно перешёл в ужин...

Насте? Да, тридцать уже. Двое... Две девчонки, семь и четыре... Она? Одна... Обьелся груш... Нет, не работает... Больная вся... Гепатит С... Да. Ты правильно всё поняла. Живёт отдельно, к себе уже не пускаем, только девчонок...

Серёжа? Да, работает. Дома. На «удалёнке». Не может... Рассеянный склероз. По стенке ходит. Пока...

Сейчас без работы, дети на мне... Да и с работой... Завод наш закрылся... Выучилась на бухгалтера, работала... Спасибо, больше не хочу на допросы ходить...

Таня? Не закончила... Работает... По ночам... Не знаю. И не хочу знать...

* * *

В храме Гроба Господня стоял полумрак. Паломники толпились в очереди, волновались. Было душно, хотелось снять платок, умыться, вдохнуть полной грудью...

На коленях заползла под нависшие каменные своды...

Толстый монах-грек поторапливал: «Россия, Россия!!»

Прижалась лбом к холодной могильной плите.

О чём просила мать в этой краткой молитве, лёжа на камнях Гроба Господня?

Одноклассницы. Экзамен

Леночка, несмотря на свои беды, так и осталась активисткой.

Позвонила.

– Ира, ты про вечер встречи выпускников не забыла? В субботу, в семь, в ресторане... Нет, в школу не пойдём, уже не к кому... Едем с тобой в пятницу, вечером, билеты на автобус я куплю... Как не поедешь?

– Не поеду, – упрямо повторила Ирина, – Не хочу.

– Ты чего? Ведь юбилей!

– Не хочу. Не соскучилась.

– Да перестань ты! Ничего не знаю! В пятницу едем...

К пятнице Ирина разболелась. Или продрогла, пока стояла на остановке, трамвай ждала, или в офисе кто начихал... Так что от Леночки отбиваться не пришлось, стоило только хрипло ответить по телефону:

– Приедешь, расскажешь, как встретились... Привет всем передавай.

* * *

...Это был последний выпускной экзамен в школе. Литература. Вчерашние школьники столпились в холле, ждали начала экзамена. Ирина смотрела в окно, волновалась. Экзамены давались Ирке тяжело, волнение захлёстывало, всё тело трясло, в ушах шумело... Не умела Ирка сдавать экзамены. Училась на «отлично», а на экзамене – два слова связать – проблема... Боже, и когда это закончится?!

Распахнулась дверь. Экзамен начался.

Ира первой шагнула к столу, взяла первый попавшийся билет... Девятый... Лёгкий, знала точно... Вопрос первый... Вопрос второй... Пыталась набросать план ответа... Слова не шли.

...Уже в коридоре напряжение спало, из глаз покатались слёзы. Заревела взхлёб, задыхаясь от рыданий. Результатов экзамена дожидаться не стала, ушла домой.

...Прибежала испуганная Леночка.

– Ира, что случилось? Куда ты исчезла? Я тебя потеряла... У тебя – и вдруг «тройк». Ты чего?

– Да так... Устала я что-то...

– Медаль теперь не дадут... Экзамены нужно было на все «пятёрки» сдавать, – Леночка сокрушённо вздохнула.

Ирина уже успокоилась, могла спокойно разговаривать:

– Мне всё равно... Лен, ты на выпускном-то точно не будешь?

– Точно. Экзамены в столичные институты раньше, чем везде... Мы уже послезавтра уезжаем...

...Без подружки на выпускном вечере Ирке было скучно. Сидела вместе со всеми и вроде как одна. Получили аттестаты, станцевали последний вальс, пошли гулять по ночному городу...

Лучше бы домой ушла!..

Сдвинули на бульваре скамейки, сели тесно, кто как. Девчонки, уже не стесняясь, на коленях у парней. Откуда-то по кругу пошла бутылка. Портвейн «777». Ира пригубила, чтобы не выбиваться из толпы, «белой вороной» быть не хотелось. Хотелось домой.

– Что, отличница липовая, не получилась у тебя золотая медалька?

Одна из одноклассниц, почему-то совсем пьяная, встала напротив.

– Ты о чём, Настя? Не получилась и не получилась. Я не расстроилась...

Ирина не поняла этого издевательского тона, пыталась ответить спокойно, но почему-то стало страшно. Поднялась со скамейки.

– Я пойду домой....

– Нет! – закричала Настя. – Куда?! Стой, гадина, я с тобой поговорить хочу!

И уже тише, почти шёпотом, зловеще:

– По душам...

– Настя, что происходит?

Одноклассники, начавшие было зевать и дремать, взбодрились, ситуация становилась интересной.

– Ты, сволочь, ради медальки своей на любую подлость была готова! Так тебе и надо, что не вышло у тебя ничего!

Ирина молча шагнула между скамейками, споткнулась о чьи-то вытянутые ноги... Упала больно, съёжилась... Дикий хохот прибил к земле...

...Бить её никто не стал. Одноклассницы остановили Настю:

– Да ладно, Настюха, пойдем отсюда! Пусть валяется!

...Сколько она пролежала – две минуты или два часа – Ира не помнила...

«Что это было? За что её так? Почему за неё никто не заступился? Что она сделала такого, что от неё отвернулся весь класс?!»

Она снова, в который раз за эти дни, заплакала...

– Иванова?! Ну, ничего ты набралась!

– Я не пьяная, – Ирина села, – Я ногу подвернула.

Рядом стоял один из одноклассников, Сашка Токарев. Девушка его училась в «А» классе, поэтому гулял он не со своими и позорное Иркино падение не видел.

Платье в грязи, разорванные колготки, сломанный каблук, ссадина на щеке, размазанная от слёз тушь...

– Видуха у тебя, Иванова, конечно, ещё та! Ты бы себя видела! – присвистнул Сашка. – Пойдем, провожу до дома, а то одна не дойдешь в таком виде. Подберёт кто-нибудь....

Хихикнул.

С Сашкой они жили в одном доме и знали друг друга всю жизнь. Не то, что с детского сада, а ещё их мамы вместе лежали в роддоме.

– Идти-то можешь? А то не хватало ещё нести тебя! Тут же Светке доложат... Потом оправдывайся, что ты не баран.

– Да уж, – Ирина осторожно поднялась на ноги, – мне ещё ссоры с твоей Светкой не хватало...

– Очки где-то тут мои, – Ирка подслеповато шурилась, пытаясь разглядеть очки под скамьей.

– Держи. Только встал на них кто-то, – Сашка подал Ирине раздавленные очки. – Пойдем, отличница ты наша недоделанная...

Ирка не выдержала, взорвалась, закричала на своего друга детства:

– Слушай, и ты туда же! Да что происходит-то?! Какое вам всем дело до моей медали?!

– Ладно, Иванова, прикидываться! Взяла ведь ты на литературе Настькин билетик, не постеснялась.

– Какой билетик?

– Ну какой-какой... Девятый.

Ира села на скамью, почти упала.

– Ничего не понимаю... Объясняй.

Сашка бухнулся рядом, запустил руки в свои торчащие в разные стороны светлые волосы.

- Короче... То, что у Настьки умерла бабка неделю назад, ты знаешь?
- Да.
- То, что похороны были прямо перед экзаменом по литературе, ты в курсе?
- Да.
- То, что она совершенно к экзамену не готовилась, понятно тебе?
- Да.
- Так вот... Перед экзаменом в холле стояли все, помнишь?
- Да.
- Директриса пришла, ты её видела?
- Да.
- С Настькой она разговаривала, видела?
- Да.
- О чём они говорили, слышала?
- Нет, я...
- Ты совсем рядом стояла и не могла не слышать разговор.
- Я не слышала. Мне плохо было, я боялась...
- Иванова, ты мне можешь не врать...
- Я не вру.
- Короче, директриса сказала Настьке, где будет лежать девятый билет, самый лёгкий из всех. А ты зашла первая и взяла его.
- Я тебе говорю, мне плохо было, и разговора этого я не слышала!
- Так и я тебе говорю, что мне без разницы, слышала ты или нет... Пойдем домой, рас-
свело уже...

* * *

...Лена рассказывала долго. Кто пришёл на встречу, кто нет, кто похудел, кто потолстел, кто полысел, кто поседел, кто напился, кто веселился, кто развёлся, кто снова женился, кто жив... Кто умер...

– Жалко, Ириша, что ты не поехала... Настя про тебя спрашивала, привет передаёт. Сказала, что очень хотела тебя увидеть... И если бы знала, что ты не приедешь, тоже не пришла бы...

Ирина удивленно подняла на подругу глаза:

- Зачем это я ей понадобилась? Гадость какую-нибудь очередную сказать некому было?
 - Ладно тебе, Ирка! Столько лет прошло! Она, может, прощения у тебя попросить хотела.
 - Ой ли? Такое возможно?
 - А почему нет-то? Понятно же, что обидела она тебя напрасно.
 - Это тебе понятно, а ей – вряд ли.
 - Ира, прости ты её, дуру! Она напилась тогда.
 - Напилась? С чего? Там была одна бутылка на всех.
 - Не одна, а последняя...
 - ... Было больно... Все тогда от меня отвернулись...
 - Но я при любом раскладе на твоей стороне... Ира, я с тобой...
- Помолчали.
- Простить? – Ирина вздохнула. – Я и не сержусь... Но Настя для меня с тех пор не существует... Нет в моей жизни такого человека...

Лена молчала.

И снова вздох.

– Да, столько лет прошло... Ты, Лен, права, простить пора давно... Но меня другое цепляет... Вы знаете меня, как облувленную, чуть не с самого рождения... Как вы все вообще могли допустить, что я способна на такую низость?

Бабье лето. Просто мысли

Ах, какой сложный возраст! И слово мерзкое, скользкое какое-то – «климакс». Как слизняк в руке. Вроде недавно молодая была, по-женски здоровая, как вдруг... Состояние неопределённое, стыдное, что ли. Разговоры ОБ ЭТОМ только шёпотом и только с избранными, товарками по несчастью своему. Если в магазине душно, уже думаешь: «Это тебе плохо так, или действительно с кондиционированием тут „не фонтан“?» И с нескрываемой радостью смотришь на мужичка какого-нибудь тридцатилетнего, откровенно страдающего от жары (и немножко от лишнего веса :))

А на работе! Упаси тебя господь возмутиться, когда уже на голову сели и собрались... ну, сами понимаете, ЧТО (!!!) сделать! Реакция незамедлительная: «Что же с неё взять, у неё же... (и по одной букве) к-л-и-м-а-к-с!»

Вот и следишь на каждом шагу за своим языком, терпишь закрытые окна в трамвае, паришься в шубе в магазине. Поневоле потащишься в какой-нибудь торговый центр, где иногда (и хорошо, что довольно часто) можно гардероб найти или, на крайний случай, свалить всю свою одежду в тележку, устроить взрыв мозга для охраны магазинской. Молчишь на работе, когда сопротивление не просто желательно, оно обязательно, потом удивляешься: «А что это у меня зарплату как—то незаметно урезали, и даже не извинились?»

И вообще, состояние «чудесное». То голова болит, то ж..... Врачи туда же... «У Вас есть выбор. Можно таблеточки попить». То есть дальше поприкидываться, что всё «ок» у меня, и все эти проблемы «тёток за...» вообще не моя тема. Интересно, гинекологи сами инструкцию

этих таблеток до конца читали?! Такое даже царю Митридату в страшном сне не снилось. (Был такой царь в каком-то веке, боялся жутко, что приближённые его отравят, все возможные яды принимал в малых дозах, чтобы привыкнуть... Правда всё равно плохо закончил – прирезали его родственнички, не обхитрил...:)

А самое-то главное! Мужу-то как сказать, что не молодуха ты уже? Даже если слов не найдёшь, он, наверное, всё равно заметит состояние твоё дурацкое. Это покруче противогоза-то! (Я о «бородатом» анекдоте, где жена противогоза надела, а он – про выщипанные брови). «Свалит» ведь, собака, к девахе какой-нибудь! Делать-то теперь что?! Кошмар, а не жизнь пришла! Вопль прям из середины души рвётся!

Не «парьтесь», девочки. Муж если «свалит», то не из-за НАШЕГО климакса. Он в этом растерянном и незащитном зеркале увидит свой «пивной» животик, лысину свою ненаглядную, седину (у кого где осталась). И пойдёт всему миру доказывать, что он ещё «ничего» и «ого-го» и «вообще». И ещё ребёнка кинется рожать, которого (второго, третьего) с вами уже не хотел... Да и, положа руку на сердце, климакс-то тут при чём, если и до этого уже что-то у вас всё шло как-то не так. Кстати, не все мужики «свалят». У моей подруги муж обрадовался. Брезгливый немножко, не возбуждали его тонкую мужскую организацию ежемесячные женские проблемы. Предохраняться опять же не нужно, вы в курсе, что плюс это огромный.

А габариты наши «100—100—100» в большинстве случаев не из-за «изменения гормонального баланса» (мы же умные и так можем выражаться), а из-за плюшек с чаем (с подружкой поболтать), сала с хреном (у бати засиделась) и шашлычков с кетчупом (с друзьями на природе), пива с рыбкой (футбол же), селёдки «под шубой» и оливье (новый год же), пиццы и наггетсов (с детьми как не ...), лифтов в многоэтажке (по лестнице тёмной страшно), такси на три остановки (с работы, устала я сегодня, за «компом» сидеть...). (Тут респект психологам-диетологам :))

А то, что на душе кошки уже дырку проскребли – так это ж климакс, терпеть надо, до последнего. И терпим, пока не рухнет всё окончательно, пока не остановит нас скальпель или ещё какая-нибудь напасть... Лежишь и думаешь: «Что это? За что это мне?..»

А это вот оно, бабье лето. Просто лето. С протяжными светлыми днями, запахом яблок и астр, ласковым солнцем и грибным дождём, неспешными прогулками по лесу и йогой в парке.

И дело не во времени года, и не во времени жизни. И для кого-то наша осенняя паутинка у глаз будет самым красивым в жизни рисунком.

И до климакса доживет тот, кто будет просто жить.

Чаша

Отче Мой!
Если возможно, да минует Меня чаша сия;
Впрочем, не как Я хочу, но как Ты...
От Матфея 26:36—46

Гид мне нравился. Не трещал без остановки, цитировал большие фразы из Библии и псалмы Давида, делал паузы, оставляя время подумать.

– Иисус был Сын божий, он знал, что с ним будет дальше, но он был так же и человеком, и как всякому человеку, ему было страшно...

Я села на камень, достала воду. Тихо подошла Ирина. Мы познакомились с ней всего два дня назад, жили в одном номере и уже сдружились. Она была старше меня, возраст неумолимо читался в грустных глазах, в полуулыбке, в наклоне головы.

– Устала? – Ира села рядом.

Я молчала.

– Наташа, ты хотела бы знать заранее, что будет дальше?

Часть 1

День был обычный. Самая что ни на есть обычная суббота. Я проснулась рано, но в ванной уже шумела вода. Лизке не спится или Дима уже встал? Четырёхлетний Лёша, или как мы его звали Лёха, ещё спал. Я накинула халат и вышла на балкон нашей квартиры на пятом этаже... Холодно вообще-то, февраль. Зима стояла морозная, ветреная и снежная. Вчера наконец-то нам сделали антенну, и я наклонилась через перила посмотреть, как эти работнички её закрепили... Дальше... А дальше – порыв ветра, меня подняло, как пушинку, как будто во мне нет моих пятидесяти кг, и я полетела с балкона вниз. Ужас перехватил горло, голоса не было, и только последнее отчаяние заставляло меня цепляться за всё, что попадалось на пути. Я не чувствовала боли, не понимала, что происходит. Ветер завывал, и с одного из соседских балконов меня снизу хлопнуло простынёй. Наверное, это и спасло мне жизнь.

...Я рассыпалась, как хрустальная ваза.

Когда приехала скорая, я была в сознании. Видела бледное от ужаса лицо мужа, потом его босые ноги. «Простынешь же», – хотела сказать и не смогла... Перевела взгляд на неестественно загнутые у лица окровавленные, ободранные до костей руки. «Надо же, кости и вправду белые», – промелькнула мысль. Всё поплыло...

...Голос, как сквозь вату.

– Отойдите, молодой человек, не мешайте!

– Это жена моя, она же смотрит... Она будет жить?

– Она в шоке.

Укола я не почувствовала, но как-то всё отпустило и потемнело...

Три месяца я висела между жизнью и смертью, но в итоге всё-таки оказалась живучей. Господь пожалел меня, шею я не свернула, внутренние органы почти не сместились. То ли сугроб под окнами спас, то ли простыня соседская, то ли ангел придержал белым крылом.

Часть 2

В выходные все мои выздоравливающие соседки разъехались по домам. Я ещё не вставала. Пошарила в тумбочке, нашла последнюю печенку. Так-с, а кормить Нас сегодня будут? Проспала завтрак, что ли?

Набрала телефон мужа.

– Дим, приди ко мне... да, прямо сейчас, я есть хочу.

Ответил он тихо, мне показалось, почти шёпотом.

– Я занят сегодня, позови нянечку или ещё кого-нибудь.

Короткие гудки.

Я в недоумении уставилась на телефон. Нет, номером не ошиблась. Заболел, что ли?

После наркозов и уколов соображала я плохо.

Кому бы ещё позвонить? Мама в командировке, отец сегодня играет на свадьбе, на второй день баянистов приглашают, хотя уже всё реже. Остаётся Люська. В глаза мы её называли тётей Людой, но между нами она была просто Люськой. Младшая сестра отца, напуганная какими-то подонками в подъезде, она так и осталась навсегда в десятилетнем возрасте. Отец жалел её, и после развода с моей матерью забрал Люську к себе...

Она прибежала быстро, притащила огромную авоську с едой и с порога начала причитать:

– Наташечка, солнышко, да ты что, зачем же ты это придумала? Узнала про Димку – и что ж сразу с балкона-то?

Люська поперхнулась словом, увидев мой остановившийся взгляд.

Я медленно выдохнула:

– А теперь с этого места поподробнее... Что я такого должна была узнать о Диме, чтобы сигануть с балкона?

Люська смотрела на меня, как мышь на удава, глаза её бегали, руки затряслись.

Мне не было её жалко, я так же медленно продолжила:

– На меня смотри.... Что я должна про него знать? Говори....

Люська сказала.

Об этом уже знали все, кроме меня. Что у моего мужа любовница, уже год, что он увёз детей к моей маме, и она не в командировке, а с детьми, и не знает, как мне это сказать, и что он подал на развод, и что он хочет доказать, что дети не его, и что квартира, за которую мы четыре года платили ипотеку, оказывается его личная, подаренная его тёткой ещё до того, как мы поженились официально, и что нанял он какого-то столичного адвоката и только ждёт, когда я смогу явиться в суд... И ещё Люська рассказала, что Диму подозревали в покушении на моё убийство, но дочь подтвердила его алиби. Когда я упала, Лиза выходила из ванной, а испуганный отец выбежал с кухни... Ей поверили, мужа отпустили.

...Ночь прошла без сна. Я тупо смотрела в густую темноту, пытаюсь совместить Люськин рассказ со своей семейной жизнью.

Про Лизу Димке доказывать ничего и не нужно. Она была не его дочерью...

Мы познакомились, когда мой первый муж, до этого переживший тяжёлый развод и тут же женившийся на мне, через три месяца нашей совместной жизни собрал свои вещи и ушёл обратно, сказав мне на прощанье: «Первая семья – это семья, а всё остальное – цирк». И осталась я одна, беременным клоуном в этом цирке. А еще через два месяца, поскользнувшись в гололёд, я свалилась под ноги смешному очкастому пареньку, чуть не уронив его на себя. Дима был младше меня на восемь лет, он только что окончил университет и только что расстался со своей девушкой. Я до сих пор не знаю, почему он решил жить со мной, и почему я согласилась. Любовь с первого взгляда? Невыносимое одиночество? Попытка доказать своим бывшим и всему миру свою востребованность?

Он привёл меня к себе в дом. Родители его были в шоке, но Дима упорно убеждал их, что он знаком со мной давным-давно, и беременная я от него, и любит он меня безумно. Родственники попытались соблюсти приличия и, скрепя сердце, согласились с его выбором. Я переселилась со съемной квартиры в Димкину комнату.

Прожили мы там не долго. Воспитанность родительская испарилась довольно быстро. Когда полетели камни из-за пазухи, и поползли змеи подкожные, нам пришлось съехать, снова снимать квартиру.

Семейную нашу жизнь счастливой назвать было нельзя. Мы оказались очень разными, часто ссорились, подолгу молчали. Когда наш гражданский брак окончательно затрещал по всем швам, мы решили родить второго ребёнка...

Я приподнялась на кровати, пытаюсь сесть.

Мы? А не сама ли я это решила, заткнув ему рот ответным воплем, что ни о каком аборте речи быть не может? Он замолчал, отвернулся к окну, буркнув: «Делай, что хочешь».

Роды были тяжёлые. Сразу из роддома сына увезли в реанимацию. Я билась в истерике, изводила Димку бредовыми умозаключениями, что ребёнок при смерти из-за того, что рождён вне брака, и что нам нужно срочно пожениться и обвенчаться. После долгих уговоров муж привез меня в ЗАГС, но венчаться он отказался наотрез, ссылаясь на свою разношёрстную многонациональную родню.

...В палате постепенно серело.

Любовница? Год? Год назад Диму перевели на другую должность, с командировками. Муж уезжал часто, практически каждую неделю. Я оставалась одна с детьми, ворчала, но материально действительно стало легче, так что ворчала я просто «для порядку». Так значит, это были не командировки? А деньги откуда? Другая должность всё-таки была?

...Рассвело совсем. Я разглядывала белый с подтеками потолок.

Что там Люська наплела про квартиру? Дарственная? Какая дарственная? Мы же ипотеку оформляли...

Я снова попыталась сесть.

Ипотеку оформлял Димка, я металась между домом с дочкой-первоклассницей и больницей, где в реанимации лежал мой новорожденный сын. Мы с Димой приехали в банк, я подписала бумаги, не читая.... Но деньги-то мы платили исправно, каждый месяц!.. Теперь понятно, откуда столичный адвокат.

Часть 3

Через месяц я вышла из больницы. Ещё через месяц я оказалась разведёнкой с двумя детьми, без жилья и средств к существованию. Против велеречивого адвоката у меня аргументов не нашлось, и у суда вопросов не возникло. Спасибо, что про алименты не забыли.

Поселились мы с детьми у мамы, в однушке, доставшейся ей после развода с отцом. Ещё через месяц я вышла на работу.

– Наталья Павловна, у нас за время Вашего отсутствия прошла оптимизация...

Меня понизили в должности, урезали оклад почти вдвое... Но это было уже не важно. Я окаменела, я не чувствовала ничего, я ничего не хотела, меня держали только дети, они были той соломинкой, которая спасла меня от нахлынувшего отчаяния. И бессонными ночами меня точила одна и та же мысль: «Как могло случиться, что этот смешной очкастый паренёк превратился в жестокого монстра, выгнавшего из дома жену с двумя детьми? Как я не заметила этого перелома в его душе? Не увидела или просто не хотела видеть?» Ответа не было.

Лето заканчивалось.

Солнце уже не жгло, а нежно грело, прозрачный воздух пьянил. Я любила это время года. Я любила осенние горьковатые астры, жёлтые шары на длинных тонких ножках, высокие гладиолусы, огромные шапки георгинов. Вспоминалось детство, бабушка, её пироги. Как она вытирала повлажневшие глаза платочком, провожая меня с мамой и папой в первый класс. Я шла между ними гордая, в новой школьной форме с белым фартучком, в белых гольфах и туфельках на малюсеньком каблукке. А бабушка глядела нам вслед...

Тело моё ныло, сказывалось падение. Сидя на скамейке, я, как белка в колесе, прокручивала в голове недавние события. «Он сказал, а я... Надо было вот так... А он... А если... Он сказал... А надо было...».

Колокольный звон.

Я зашла в церковь. Долго стояла, не сводя глаз с измученного лица Спасителя. Не молилась, слова не шли. Не просила ни о чём, просто смотрела...

Батюшка внимательно наблюдал за мной, подошёл первый...

Меня прорвало, я рассказала ему всё, с самого начала, с той секунды, когда я вышла на балкон в этом проклятом халате, я рыдала, захлёбывалась. Батюшка молчал, и только глаза его смотрели спокойно и ласково. Я жаловалась на жизнь, я хотела мстить, я хотела добиться справедливости.

Рука священника легла на мою голову.

– Ты хочешь быть правой? Или ты хочешь жить? – тихо спросил он.

Эпилог

Иерусалим жил своей беспокойной жизнью. Громко молились у Стены Плача ортодоксальные евреи, шумел восточный базар, автобусы один за другим подвозили к храмам группы разноязычных туристов. По Via dolorosa – Дороге Скорби шли паломники с молитвой, и каждый нёс свой крест, замаливая грехи, с просьбой о простом человеческом счастье. Здесь, в этом Старом городе, я почувствовала всем телом, каждой точкой кожи, всей душой незримое присутствие Бога на Земле, его любовь к нам, таким разным, таким грешным, таким непримиримым, раздираемым на части злобой и отчаянием... Прости нас, Господи, ибо не ведаем...

Пустынное солнце безучастно смотрело сверху на пёструю толпу, разогревая старые стены. Иерусалим, разделённый по сантиметрам между религиями, в надежде на лучшее будущее, жил и верил, что Господь вернётся, что рухнут эти древние камни, закрывающие Золотые Ворота.

«Отче наш, иже еси на небесех... Да святится имя твое, да приидет царствие твое, да будет воля твоя яко на небеси и на земли... Хлеб наш насущный даждь нам днесь, и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим... И не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго, ибо твое есть царство и сила и слава во веки веков. Аминь».

Зазвенел колокольчик. Гид созывал нас к автобусу.
Я встала с камней, подняла глаза на Ирину.
Хотела бы я знать заранее, что будет дальше?

– Не знаю, Ира. У меня нет ответа на этот вопрос.

Воровки

Часть 1

Жизнь у Марины трудной не была. Не трудная. Безрадостная какая-то, что ли. Вроде и прилежная девочка и воспитанная, а всё как в чём-то виновата и всем обязана.

Хорошо и радостно Марине было только до школы. Мама водила её за ручку в садик, сияло ярко солнышко, птички пели. А потом родился братик, и маму как подменили:

– Марина, ты уже большая, должна мне помогать.

И Марина помогала: в магазин ходила, пелёнки стирала, полы мыла, с братом нянчилась.

А когда братец подрос и пошёл в школу, Марину и вовсе переселили к бабушке: бабушка старенькая, немощная, ей тоже нужно помогать.

После восьмого класса Марина пошла в медицинское училище, профессию получать. Так мама решила. Закончила Марина училище с красным дипломом и сразу поступила в медицинский институт.

Бедно жили Марина с бабушкой. Стипендии Мариной и бабушкиной пенсии еле-еле на еду хватало, родители не помогали: «Выросла, доченька, сама теперь себя обеспечивай, у тебя профессия есть, работать иди, всем тяжело». И начала Марина работать, по ночам дежурила на скорой, днём училась.

Бабушка Марину любила, жалела, помогала, чем могла. Супчики варила, пока Марины дома не было. И кильку жарила. Запах этот рыбный Марина запомнила на всю свою оставшуюся жизнь.

Бабушке нравилось рассказывать про семью свою, про мужа, жаль, что погиб на войне, про то, как поднимала одна пятерых детей. Благодарила бога, что все пятеро выжили, живут хорошо. Родственников своих Марина, конечно, всех отлично знала. Они часто приходили на праздники, на дни рождения, да и так просто, по выходным. Мама, Анна, с папой и младшим братом Алёшкой; тётка Тамара с мужем, Фёдором Петровичем, заведующим центральным гастрономом; тётка Валя с дочерью Ольгой и мужем Михаилом Ивановичем, полковником; тётка Лида, самая младшая, с сыном Андреем, безмужняя; дядя Вова с тихой неприметной женой Катей и сыновьями Женей и Сашей. В квартире бабушкиной сразу становилось шумно и тесно, но Марина радовалась празднику. Было весело, все приходили с подарками, накрывали складчину стол. Марина наедалась досыта, ненадолго забывая супчики из серой лапши и жареную кильку.

Особенно дружили они с Ольгой, сестрой двоюродной. Девочки были практически ровесницами, родились в одно лето с разницей в месяц. Оля – красивая, белокурая, голубоглазая, весёлая, прямо как у Пушкина. Марина завидовала ей немножко. Сама она пошла в отца и уже к четырнадцати годам переросла всех своих родственников, стала крупная, что называется «бой-баба». Нос пуговкой, глаза маленькие. «Красотка ещё та», – расстраивалась Марина, глядя в зеркало.

В институт сестры поступили вместе, только Ольга выбрала другой факультет, фармацевтический. «Нет, – сказала она Марине, – не чувствую я в себе призвания за другими горшки выносить, во врачи не пойду».

Ещё крутился возле них постоянно Андрюшка, брат их младший, двоюродный, не давал поболтать, поделиться своими девчоночьими секретами. Андрей, ещё совсем маленький мальчик, ходил за ними хвостиком, приносил то книжку почитать, то в мячик поиграть, а когда сестрёнки пытались его прогнать, начинал кривить личико и тихонько плакать, растирая грязным кулачком слёзки.

Бабушка умерла ночью, во сне. Марина училась на четвёртом курсе, утром ушла в институт, думала, что бабушка просто крепко уснула, и поэтому из комнаты своей не выходит, а вернувшись к обеду, обнаружила её так же лежащую на кровати... Опять собралась вся семья, похоронили бабушку, и осталась Марина жить одна.

Часть 2

Марина окончила институт в начале девяностых. Врачам платили копейки, Марина не вылезала с работы, днём – в отделении, дежурства через ночь. С родней практически не виделась. Ольга вышла замуж за лейтенанта, папа-полковник самого перспективного подбрал, уехала с мужем служить на Дальний Восток. Андрей связался с братвой, то ли бизнес, то ли рэкет... Ходил буквально по лезвию ножа. Один раз даже просидел полгода в СИЗО. Семье хватило денег отмазать его от тюрьмы. К концу девяностых Андрюха остепенился, купил себе автосервис, потом автосалон, потом занялся арендным бизнесом, скупал помещения, ремонтировал, перестраивал и сдавал в аренду. Короче, стал «богатым братом». Так, смеясь, называла его Марина, а за ней и вся родня.

Тётки старели, всё чаще обращались к Марине за помощью. Не отказывала, помогала, назначала лечение. Больше всех её волновала тётка Тамара. Мужа её, директора гастронома, в тюрьму посадили, осудили на пятнадцать лет. Тамара, ни дня не работавшая при богатом муже, осталась без копейки. Дядя Вова через своего соседа, с которым на рыбалку ездил, устроил сестру в ЖЭУ дворником. Так и работала она, пока не стали за ней замечать, что она заговаривается, путает время и место, не узнает знакомых и родных.

Ольга позвонила из Владивостока:

– Марина, возьми тётку Тамару к себе, ты же врач, только ты с ней справишься. Я бы взяла, да куда я её, в казарму что ли повезу? Доходишь тетку – комната её твоя... Все согласны. Я тебе помогу, деньгами, лекарствами.

Марине не понравился тон разговора, но возражать она не стала.

Сестра продолжила:

– Мне только шкатулку отдашь, ну ту, помнишь, пластмассовую, синенькую... Какую? Ну ту, с которой мы в детстве играли, а тётка Тамара сильно за это на нас ругалась.

Ольга хихикнула в трубку. Помолчали.

– У вас-то как дела? Рожать собираетесь?

Марина не ответила, не захотела обсуждать с сестрой свои женские проблемы. Да и о семейной своей жизни тоже говорить не хотела.

Замуж она вышла неожиданно для всех, встретив на вечере встречи выпускников своего одноклассника. Сергей работал дальнобойщиком, беззлобно подсмеивался над Мариной: «Стоило двадцать лет учиться, чтобы задаром круглосуточно работать!» Марина обижалась, но в душе, наверное, соглашалась с мужем.

Была любовь, не было любви? Жили тихо, спокойно, только одна беда – не беременела Марина...

– Хорошо, – ответила Ольге, – Поговорю с Сергеем. Если согласится – возьмем тётку к себе...

Переезд тётки Тамары к Марине потом долго обсуждали и семья, и соседи. Совсем было потерявшая разум тётка вдруг очухалась, заставила пронумеровать все свои коробки, мешки и ящики, в огромном количестве занимавшие практически всю её комнату в коммуналке. На новом месте она скомандовала составить всё по порядку, полностью до потолка заняв половину большой комнаты. Сама улеглась тут же, на диване.

– Ты, Маринка, иди из моей комнаты. Я тут жить буду.

Жизнь Мариной семьи превратилась в ад.

Тётка перепутала день с ночью, орала по ночам, горланила песни, стучала костылём по батареям центрального отопления. Соседи ругались с Мариной, жаловались участковому. Сергей приезжал из рейса, злился:

– Да вколи ты этой сумасшедшей бабке дозу побольше! Когда она уже подохнет!

Марине было жалко и себя, и тётку, и свою разваливающуюся на глазах семейную жизнь, но сделать она ничего не могла. Уколы не помогали, тётка стала совсем невменяемая, открывала окна настежь среди зимы, громко кричала на весь двор. Муж взял молоток. Марина испугалась, схватила его за руки. Он засмеялся:

– Да не бойся ты, не убью.

Заколотил гвоздями деревянные рамы, плюнул в сердцах:

– Нафига нам такое счастье?

Ад продолжался.

Терпение Сергея лопнуло, когда тётка перепутала туалет с кухней...

Из очередного рейса муж домой не вернулся, только позвонил:

– Я у матери.

И всё.

На этом семейная жизнь Марины закончилась.

Тётка умерла через год.

На похороны приехала Ольга. Совсем не изменившаяся, такая же красавица, пушкинская Ольга.

Поболтали ни о чём, Марина больше отмалчивалась, говорила Ольга. О возвращении в родной город, о муже – полковнике, сыне – отличнике, квартире в новостройке, работе своей в аптеке. Потом спросила про шкатулку.

Марина кивнула в сторону:

– Иди, ищи сама, я не знаю, где она...

Ольга перерывала все коробки и ящики, развязывала мешки. Тётка Тамара, работая дворником, тащила с помоек всё, что нормальные люди выбрасывали. Старые дырявые кастрюли, сиденья от унитазов, мешки с плесневелой крупой. Ольга не брезговала, проверяла коробки и ящики по порядку, как было пронумеровано. Первая, вторая, третья...

Марину затошнило, она ушла на кухню, налила себе воды.

– Марина, а где драгоценности? Тут же стекляшки одни...

Ольга стояла на пороге, покрасневшая, грязная, возмущенно хлопала густо накрашенными ресницами, ковырялась в синей шкатулке.

– Не знаю, я ничего не брала.

Ольга сорвалась, закричала:

– Тебе что, комнаты мало? Мы же договорились! Я же тебе помогала! Были у тётки бриллианты, я помню!

Марина пыталась что-то объяснить, но Ольга не слышала.

Быстро собралась, на пороге остановилась.

– Воровка!

Как отрезала.

Хлопнула дверью.

...Ад закончился.

Часть 3

На одном из семейных праздников Андрей, «богатый брат», как в шутку его называли в семье, внимательно посмотрел на Марину, сел рядом:

– Сергей не вернулся?

– Нет.

– Не зовёшь?

– Нет.

– Знаешь, что? Иди ко мне работать, хватит даром пахать. Сдам тебе помещение, откроешь там магазин, да что хочешь!

– Клинику хочу.

– Клинику? Не-е... Аптеку открывай, они вон, деньги лопатой гребут. Машину куплю тебе, недорогою, без машины тебе не справиться, не набегаясья.

Марина согласилась. Одна, без чьей-либо помощи, открыла аптеку, набрала персонал, закупила товар. Только вот с заведующими аптекой ей не везло. Трёх сменила – и все какие-то: ни рыба, ни мясо. Марину они побаивались, но толку от этого не было ни на грош.

После очередного крупного штрафа позвонил Андрей.

Брат орал в трубку, ругался матом:

– Ты где этих дур берёшь? Идиотки! Ни одной проверки нормально пройти не могут! Увольняй к чёртовой матери и заведующую и зама её! Сам проблему решу!

На следующий день у аптеки остановился Андреевский «БМВ». Брат вышел из машины, с пассажирского места выпорхнула... Ольга.

– Ольга будет у тебя заведовать, – жёстко сказал он.

И, обращаясь к Ольге: – Подчиняться будешь Марине, она здесь остаётся главной.

Ольга быстро освоилась, навела порядок, в один день уволила самых бездельниц, тут же быстро нашла им замену, перенастроила программы в компьютере, чётко сформулировала требования программисту.

Работа двигалась. Впервые за много месяцев Марине стало легче, Ольга своё дело знала хорошо. О последней встрече после смерти тётки Тамары они разговор не заводили, делали вид, что ничего тогда не произошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.